

Михаил Альбов

**Два момента в
развитии творчества Антона
Павловича Чехова**

Михаил Нилович Альбов

Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779615

Аннотация

«Просматривая том за томом бесчисленные очерки и рассказы г-на Чехова, пристально вглядываясь в них, улавливая сходные черты, вы легко поддаетесь странной иллюзии: вы уже не у себя в кабинете, а в мастерской художника, где на стенах рядами развешаны картины. Вы окидываете взглядом комнату, и прежде всего вам бросается в глаза разнообразная окраска картин. Основных тонов, по-видимому, немного. Но сколько разнообразных, неуловимых оттенков! Вот ряд картин с розовой окраской. Этот розовый цвет начинает, наконец, раздражать ваши глаза, и вы переходите к другому ряду. Здесь другая окраска, синевато-зеленая, успокаивающая, и другие картины, ласкающие, манящие. Но и в том, что раньше казалось вам розовым, вы начинаете улавливать синеватые и светло-зеленые оттенки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько таких картин!...»

Содержание

I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Альбов Михаил Нилович

Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова

Просматривая том за томом бесчисленные очерки и рассказы г-на Чехова, пристально вглядываясь в них, улавливая сходные черты, вы легко поддаетесь странной иллюзии: вы уже не у себя в кабинете, а в мастерской художника, где на стенах рядами развешаны картины. Вы окидываете взглядом комнату, и прежде всего вам бросается в глаза разнообразная окраска картин. Основных тонов, по-видимому, немного. Но сколько разнообразных, неуловимых оттенков! Вот ряд картин с розовой окраской. Этот розовый цвет начинает, наконец, раздражать ваши глаза, и вы переходите к другому ряду. Здесь другая окраска, синевато-зеленая, успокаивающая, и другие картины, ласкающие, манящие. Но и в том, что раньше казалось вам розовым, вы начинаете улавливать синеватые и светло-зеленые оттенки. Дальше темная, мрачная окраска, и сколько таких картин! Мрачный тон утомляет и удручает вас, но теперь и то, что раньше слегка раздражало ваш глаз, начинает отливать красновато-багровым блеском... И вдруг все смешалось на ваших глазах. Розо-

вые, синие, зеленые, темные полосы быстро мелькают одна за другой, и вы начинаете видеть все в новом, каком-то фантастическом освещении. Какая-то странная, тусклая, однообразно-серая пелена заслонила от вас живую игру цветов и их бесконечно-разнообразных оттенков. Вы встряхиваетесь, чтобы освободиться от этого странного впечатления, и догадываетесь, что художник и картины тут не при чем: это просто у вас зарябило в глазах...

Освободившись от этой странной иллюзии, вы снова начинаете, теперь уже медленно, одну за другой, рассматривать картины и легко убеждаетесь, что тут разные цвета и очень много оттенков. Вы находите дальше, что сами картины различны и по исполнению, и по значению. Тут и простые фотографии, безукоризненные по отделке, но ничего не говорящие ни уму, ни сердцу. Вы окидываете их взглядом и быстро проходите мимо. Вот целый ряд набросков, этюдов, разнообразных по содержанию, но одинаковых или схожих по теме. Вы чувствуете, что это не простые фотографии, что художник вложил в них что-то свое, лично ему принадлежащее, наложил на них печать своей нравственной личности. Но тема слегка затронута, с какой-нибудь одной стороны, или в разных картинах с разных, но близких сторон, и вы, чувствуя легкую досаду и неудовлетворенность, проходите дальше. И вдруг вы остановились перед картиной, которая сразу поразила вас и надолго приковала к себе. Картина как будто знакома вам. Линии, краски, фигуры, положения – все это вы

раньше видели на фотографиях и набросках. Но в них есть что-то новое, одухотворенное. То же лицо, но иначе смотрит. Вы пристально всматриваетесь в подробности, заходите с разных сторон и наконец угадываете замысел художника. То, что раньше слегка тревожило вас, здесь, возведенное в перл создания, озарилось новой красотой, и вы испытываете чувство полного, глубокого удовлетворения, и многое из раньше виденного, но незамеченного или непонятного, всплывает в вашем сознании и становится ясным. Идете дальше – и опять наброски, этюды, но здесь уже другая тема; и снова картина, глубокая, одухотворенная. Весь процесс творчества художника в своих результатах проходит перед вами, и на примере г-на Чехова очень удобно вы можете проследить развитие, постепенный рост художественного таланта.

Но не только художественного таланта. Глеб Успенский в своей автобиографической записке писал, что его биография – это его сочинения. С таким же правом это может сказать про себя г-н Чехов. По крайней мере, то, что больше всего интересует нас в биографии писателя – его духовная личность, ее постепенный рост, его думы, настроение, мировоззрение – все это, несмотря на всю сдержанность и корректность г-на Чехова, а порой и неясность его полупризнаний, достаточно отразилось в его произведениях. Правда, у него нет ничего кричащего, резкого, бьющего в глаза. Вы не услышите от него ни воплей, ни рыданий, ни негодующего крика,

ни презрительного смеха. И когда он рисует наиболее отвратительные типы, по-видимому, он совершенно спокоен, как будто делает дело, лично ему совершенно чуждое, постороннее. Но это спокойствие – просто сдержанность воспитанного человека, за которой скрывается натура, глубоко чувствующая, тоскующая, страстно чего-то ищущая. Стоит только взять его почти любое описание природы, которая смеется, плачет, тоскует, томится, чтобы составить о нем представление как о писателе глубоко субъективном. В сущности, его произведения есть история его души, сначала беспечной, потом глубоко тоскующей и наконец, по-видимому, нашедшей удовлетворение. Со временем, конечно, биография даст нам настоящий ключ к всестороннему пониманию его произведений. Но пока что будет, попытаемся только на основании его произведений отметить главнейшие моменты в его развитии.

I

А. П. Чехов начал свою литературную деятельность очень мелкими, иногда миниатюрными, в страничку или две, очерками, которые собраны теперь в первых трех томах издания Маркса. Это изящные, тщательно обработанные безделушки, хотя встречаются рассказы и малообработанные, представляющие, очевидно, черновые наброски. Встречаются и такие рассказы, где фантазия автора и наблюденные черты действительности не слиты органически, а лежат полосами друг возле друга, как две химически несходные жидкости. Таких рассказов, впрочем, мало. Зато почти все написаны просто так, pour rire, чтобы позабавить читателя. Напрасно мы стали бы искать здесь определенное мировоззрение художника, но есть то, что принято называть настроением.

Преобладающее настроение автора за этот период его деятельности можно сравнить с теми чувствами, которые испытывает турист, в первый раз отправляясь путешествовать в какую-нибудь незнакомую страну просто для развлечения или отдыха. Сколько там нового, интересного, любопытного! Какие виды, костюмы, типы! Какие странные и смешные обычаи, сколько вообще занимательного, любопытного! И он все одинаково осматривает, ему одинаково любопытно и ничтожное и важное. Но, не зная страны, он по всему скользит беглым взглядом, ни во что не всматривается присталь-

но, ко всему относится с легкой иронией. Ему все любопытно и ничто в частности не успело его заинтересовать. Приблизительно такое же настроение было и у г-на Чехова в первое время. На литературное поприще он вступил, как турист без всяких претензий. Бегло схватит какое-нибудь душевное движение или вообще явление жизни, вставит его в изящную рамку и любитесь им или смеется над ним то заразительно весело, то слегка иронически. Вместе с ним любитесь и смеется читатель. Да и как не любоваться, когда все это так красиво выходит! И как не смеяться, когда, в сущности, в жизни так много смешного, особенно в той серенькой, будничной жизни, которую изображает г-н Чехов. Сколько смешного расскажут про себя или друг про друга ее незаметные ничтожные герои – все эти пьяненькие, праздноболтающие, мелочно-самолюбивые, глуповатые, глупенькие и дубинноголовые, эти дамочки, порхающие, интригующие, неутомомно щебечущие. Какие все это смешные уроды, какие чудaki! В этом беззаботном смехе, который звучит почти в каждом рассказе, для г-на Чехова характерно именно то, что здесь смехом все начинается и смехом кончается, подобно тому, как это было с Гоголем в первое время его литературной деятельности. В этом смехе нет нравственного элемента, и его миниатюрные комедии, в сущности, настоящие водевили. Редко среди этого смеха раздается грустная нота и очень редко она переходит в мрачное настроение, за которым чувствуется глубокая драма.

С течением времени эта, изредка звучащая, безотрадная нотка раздается все чаще и чаще и становится интенсивнее. Это уже заметно на второй половине третьего тома. В рассказах четвертого и пятого томов от прежнего беззаботного настроения не остается и следа. Как в настроении, так и в других сторонах его творчества происходит какой-то перелом или, вернее, болезненный надлом. Прежний балагур-рассказчик, о чем-то загрустил и глубоко задумался. Даже когда он, по старой привычке, собирается пошутить, попадает в прежний тон, то шутка выходит какою-то странною, тяжелою, неуместною, словно пошутили в комнате, где лежит труднобольной («Ванька»). Что же такое случилось?

Может быть, лично с ним случилось что-нибудь такое, что заставило его призадуматься; может быть, жизнь, с которою он все больше знакомился, утомила его своим однообразием, как та безграничная степь, которую он описал с таким безнадежно-тоскливым настроением; может быть, он увидел, что в жизни далеко не все так понятно и просто, как кажется с первого взгляда. С настроением беспечного туриста прогуливаясь по палестинам родной действительности, все расширяя круг своих наблюдений, ближе присматриваясь к действительности, он не мог не заметить, что в жизни уж вовсе не так много смешного, как это кажется человеку, у которого будущее через края веселье молодости окрашивает все в розовый цвет. Сама жизнь, изображаемая им, не могла не показать ему, как часто смех и слезы идут рука об руку, и как часто

за тем, что кажется смешным с первого взгляда, скрывается глубокая драма. Но, несомненно, немалую долю влияния оказал на него и тот переворот в настроении и миропонимании общества, который начинался в конце 70-х годов. Вот как говорит об этом перевороте один из его персонажей. Тогда новое миропонимание «начинало входить в моду публики и потом в начале 80-х годов из публики стало переходить в литературу, науку и политику. Мне было тогда не больше 26-ти лет, но я уже отлично знал, что жизнь бессмысленна и не имеет смысла, что все обман и иллюзия, что по существу и результатам каторжная жизнь на острове Сахалине ничем не отличается от жизни в Ницце, что разница между мозгом Канта и мозгом мухи не имеет существенного значения, что никто на этом свете ни прав, ни виноват» («Огни»). По всей вероятности, эта новая волна и захватила г-на Чехова. По крайней мере, «красивая, сочная мысль о бессмысленности жизни и загробных потемках», с ее уродливыми крайностями, полной безвыходностью и пустотою, несомненно отразилась на его творчестве. Так, например, рассказ «Поцелуй» как будто нарочно выдуман на заранее составленную тему – о бессмысленности жизни. Здесь рассказывается, как один поручик, Рябович, под влиянием случайно и ошибкой полученного им поцелуя, целое лето мечтал о любви, о «ней», о семейной жизни, как он нетерпеливо ждал, что на возвратном пути он встретится с прекрасною незнакомкой, и как из этого ничего не вышло по той простой и понятной при-

чине, что его никто не ждал и им никто не интересовался. Станный рассказ, не правда ли? Но этот, несомненно, вымышленный рассказ нужен был г-ну Чехову, чтобы оправдать те мысли, которым предается разочарованный поручик. Стоя на берегу речки, он думал: «Вода бежала неизвестно куда и зачем. Бежала она таким же образом и в мае; из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь и, быть может, она, та же самая вода, опять бежит перед глазами Рябовича... К чему? Зачем? И весь мир, вся жизнь показались Рябовичу непонятною, бесцельною мистификацией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.